

Эндрю Линзи

ЭТИКА БЛАГОРОДСТВА, ИЛИ БОГОСЛОВИЕ ЖИВОТНЫХ

ЭНДРЮ ЛИНЗИ (Andrew Linzey, род. в 1952 г.) — английский богослов, отстаивающий права животных с позиций христианской религии. Является основателем и директором Оксфордского центра защиты животных. Преподаёт на факультете теологии Оксфордского университета. Редактор академического журнала «Animal Ethics». Автор ряда книг по правам животных. В 2001 г. архиепископ Кентерберийский наградил Линзи высокой наградой — званием доктора богословия. Впервые эта награда была присуждена за работу, посвящённую животным. Ниже публикуются в свободном пересказе фрагменты его книги «Богословие животных» («Animal Theology». London: SCM Press and Chicago: University of Illinois Press, 1994 and 1996).

Дыхание жизни — *perhesh* — отличает любую живущую на земле тварь. Об этом сказано в Книге Бытия (1,30): «А всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором *душа живая* (выделено мной, — Т. Г.), дал Я всю зелень травную в пищу. И стало так».

И в Экклезиасте сказано: «Потому что участь сынов человеческих и участь животных — участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что всё — суета». «Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?» (3,19; 21).

В Библии мы найдём много цитат, говорящих о достоинстве животного.

Но несмотря на это, в истории западного христианства победила утилитаристская концепция. Её можно обнаружить уже в антропоцентризме Аристотеля, утверждавшего: «Природа не делает ничего напрасного или несовершенного. Следовательно, природа произвела и животных и растения на пользу человеку». Аристотель повлиял на Фому Аквинского, который считал, что животные не обладают разумом, и поэтому к ним не приложимы моральные категории.

Декарт вписывается в эту старинную традицию, но у него негативная логика радикализируется до предела. Декарт доходит до того, что утверждает — животным не хватает «сознательности», чтобы испытывать чувства. Животные абсолютно отличаются от человека.

Общий «эффект» от господства томизма и картезианства — чудовищный. Животные постепенно были вообще вытеснены за пределы морали. У них в наше время нет никаких прав, они — не личности. Животные — это вещи, и мы можем делать с ними всё, что хотим.

Кажется, что человек волен властвовать над животными (См.: Быт. 1–28). Говоря словами Тразимаха, сила даёт право. Но всё же сегодня эта идея становится всё менее популярной: под властвованием сегодня всё чаще имеется в виду «заботливость», сбережение животного мира. Бог сотворил человека по своему образу, а в следующих строках Библии сказано, что Господь предписывает человеку вегетарианский режим (Быт. 29–30).

Бог-Отец любит всю тварь. И вторая ипостась Троицы — Иисус Христос — предпочитает самых слабых, самых незащищённых, маргинализованных и изгнанных.

Доктрина боговоплощения означает также жертвенное отношение со стороны «высших» по отношению к «низшим», а не наоборот.

И мне совершенно ясно, что мы не «хозяева» творения, а скорее «слуги». Наша власть должна стать служением.

* * *

Альберт Швейцер — мыслитель, известный своим тезисом «благоговения перед жизнью». В «Культуре и этике» Швейцер пишет: «Наша философия имеет тенденцию обсуждать всё более и более поверхностные проблемы. Наша мысль потеряла связь с основными вопросами жизни и опустилась до стерильной академической проблематики. Занялась лишь техникой философствования». А нужно идти вглубь, возратить философии космическое и этическое измерения.

Швейцер даёт классическое определение этики: «Этическое поведение — это осознание необходимости уважительного отношения ко всякой жизни и всякому желанию жить. В той же степени, в какой я уважаю свою собственную жизнь. Это фундаментальный принцип морали. Добро состоит в том, чтобы поддерживать жизнь и помогать ей. Зло — это препятствование и уничтожение жизни». Швейцер пишет о человеке, уважающем жизнь: «Он не рвёт цветы с корнем, не обрывает листья с деревьев, не уничтожает насекомых. Если летней ночью он работает с зажжённой лампой, он закрывает окно и приглушает свет, это лучше, чем видеть насекомых, падающих с обессилевшими крылышками на стол.

Выходя на улицу после дождя, он видит червя. Он понимает, что, когда появится солнце, червь умрёт. Он подбирает червячка и уносит его подальше от дороги...».

«Однажды всё человечество удивится, что ему понадобилось столько времени, чтобы признать, каким безнравственным было его отношение ко всему живущему».

«Благоговение перед жизнью». Само слово «благоговение» отсылает нас не к уважению закона, но к служению добру. К воспитанию «холистического» отношения к миру.

Даже если мы и стараемся быть предельно нравственными, мы остаёмся виноватыми. И Швейцер не устаёт напоминать нам об этом: чистая совесть — изобретение дьявола.

Благоговение перед жизнью — это не вновь изобретённое моральное правило, скорее, это религиозный опыт: «Все истинно религиозные интуиции и глубокие религиозные чувства укоренены в этике благоговения перед жизнью».

Философы-утилитаристы, подобные Питеру Сингеру, ничего не поняли ни в этике благоговения, ни в этике мистического единения с Богом и Бытием.

* * *

Карл Барт утверждает: «Испытываемое животными, по крайней мере, очень похоже на то, что испытывает человек. И Библия и биология говорят нам о существовании континуальности между живущими существами, но мы знаем и о том, что позвоночные и люди обладают более развитым сознанием». Но Барт не может преодолеть обычный для западной мысли дуалистический взгляд на соотношение интеллигибельного и чувственного, человеческого и животного. И здесь мысль Швейцера ближе к традиции древней церкви. Согласно православию, Христос — это также и Логос, благодаря которому всё существует. Св. Максим Исповедник: «Бог, создавший благодаря своему всемогуществу все вещи, промыслительно содержит и соединяет их, Он соединяет друг с другом сущности интеллигибельные и чувственные». Но в таком случае давно пора отказаться от ложной идеи, что Иисус Христос — Спаситель только людей, и никакой иной твари.

Это во-первых. Во-вторых, следует вспомнить о древнем патристическом принципе, гласящем: то, чего не было в воплощении, не участвует и в искуплении. Карл Барт утверждает, что существует некая чисто человеческая природа, абсолютно отличная от всех других. И здесь Барт не прав, ведь Христос — это Логос, это Создатель, благодаря которому всё существует.

Св. Афанасий Великий: «Когда Слово посетило Пресвятую Деву, Дух Святой был там и Слово в Духе создало тело, желая присоединения всех существ, подарив мир как сущностям неба, так и сущностям земли» (Послания к Серапиону. 1,31).

В западной традиции Св. Иоанн Креста также считает, что «соединяясь с человеком, Бог соединяется с природой и со всеми тварями».

И в-третьих: всё соединяет Логос, сам Господь Иисус Христос. В «Послании к Римлянам» «вся тварь совокупно стонет и мучится», «ожидая откровения сынов Божьих».

Афанасий видит в Христе «Спасителя вселенной (toutantos)».

Св. Ириней Лионский даёт точную формулировку: «Вот почему Он (Иисус Христос) пришёл видимым образом, сделался плотью, был распят на дереве, чтобы искупить (recapitulatio) собой всё творение».

Св. Иоанн Златоуст: «Мы должны сострадать всей твари. Для этого есть множество причин. Тварь *одного происхождения* с нами».

И св. Бонавентура пишет о Франциске Ассизском: когда святой Франциск созерцал предмирный источник всех вещей, он был в великом умилении. Все твари он называл «братьями и сестрами».

* * *

Пришло время заговорить о божественном благородстве, воплощённом в личности Иисуса Христа. И я подчёркиваю, что к более слабым и беззащитным нужно относиться не как к равным, но как к высшим. Моральное преимущество покоится на стороне самых слабых.

Исходной точкой для моих размышлений станет аргумент, сформулированный Питером Сингером в 1974 году. Речь идёт о его статье с провокационным названием «Все звери равны». Аргументация Сингера проста и интеллигентна. Когда-то люди презирали разные меньшинства: гомосексуалистов, мигрантов из Магриба, чёрных. Нынче же всё это относится к ряду этнических предрассудков. Цель зоозащитников — совершить ментальный переворот и рассматривать многообразие живых существ в контексте фундаментального принципа всеобщего равенства.

Между прочим, Сингер затрагивает и христианство, критикуя его за антропоцентризм и считая, что гуманизм и христианство виноваты в негативном отношении к животным.

Оспаривая концепции Сингера, я не буду рассуждать о том, что христианство возвысило человека, потому что он умнее, сильнее, рациональнее и т. д. животных. Напротив, я буду «исходить» из Бога и из отношения Бога к своей твари.

Это отношение можно выразить одним словом: благородство. Особенные достоинства человека происходят от того, что Бог благороден. Поэтому и человек — это творец, примиритель и искупитель. Подобная идея появляется в Ветхом Завете, в Евангелии, в писаниях святых Отцов. И — это моя точка зрения — в XX веке в богословии Карла Барта.

Если в центре христианской веры — парадигма благородной жертвы, то она, эта парадигма, должна распространяться и на человека, и на его отношение к окружающему животному миру.

Господь говорит о нашем долге перед тварью, и это не имеет ничего общего с «равенством». Иисус Христос — это не «моральный образ». Речь идёт скорее о центральном послании Евангелия, о требовании помогать самым нуждающимся и о слабости самого Христа: «Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня, <...> болен и в темнице, и не посетили Меня» (Мат. 25, 42–43).

Животные же абсолютно беззащитны, и мы, люди, обладаем абсолютной властью над ними. Когда мы говорим о превосходстве человека, мы говорим о христианском жертвенном служении человека.

* * *

Бог разделяет страдание всей твари. Веками в христианской традиции эта истина оставалась скрытой. Для этого существуют, по крайней мере, две причины. Первая: схоластическая традиция (особенно она) отказывала животным во всяком моральном статусе. И вторая: христианская традиция, выраженная в картезианстве, попросту отрицала, что животные могут страдать.

И тем не менее, во все времена существовала совсем другая традиция — традиция святых и поэтов.

Бог, сострадающий всей твари, никуда не исчез. «Именно здесь я видела великое единство между Христом и нами — пишет св. Юлиания Норвичская, — когда Он страдал, страдали и все способные чувствовать существа». О св. Маргарите Кемпийской говорили: «Когда она видела Распятие, раненого человека или животное, когда она видела, как бьют ребёнка, как стегают кнутом лошадь или какое-нибудь другое существо, она говорила, что видит страдающим нашего Господа».

Поэт Джордж Герберт так говорит о роли человека:

Человек — Первосвященник мира.
Он приносит жертву за всех.
Все довольны этой жертвой —
И бьющие ключи, и дующие ветры.

Священническая роль человека — это обладание искупительной силой. В этом смысл отношений между природой и человеком. Человек призван спасти естественный порядок, восстанавливая его там, где царят хаос и дисгармония.

Об этом пишет православный епископ, владыка Иоанн Зизиулас: священник должен посвящать Творцу всё творение в целом («Сохранение творенья Божьего»).

Может показаться странным, но именно Фридрих Ницше разделяет христианскую точку зрения: «Самые глубокие люди во все времена сострадали животным, поскольку они сами знали, что такое страдание».

Ницше пишет, что лишь философ и художник могут работать над завершением природы. Он говорит, что природа также нуждается в святых, у которых «отсутствует собственное „я“», и чья «мученическая жизнь более не воспринимается как индивидуальная, но как глубочайшее чувство равенства, сострадания и единства со всем живущим» («Несвоевременные размышления»).

И действительно, в жизни некоторых святых мы находим прообраз того состояния, о котором пишет Ницше.

Среди множества примеров можно выделить св. Исаака Сирина: «„И что такое сердце милующее?“ И сказал: „Возгорание сердца о всём творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слёзы от великой и сильной жалости, объемлющей сердце. И от великого терпения умаляется сердце его, и не может оно вынести или слышать или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварью. А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит молитву, чтобы сохранились и очистились, а также и о естестве пресмыкающихся молится с великой жалостью, какая без меры возбуждается в сердце его по уподоблению во всём Богу“» (Сл. 48).

Чувствительность к страданию другого, эмпатия, благодатность и милосердие — всё это качества жертвенного служения. Через страдание всей твари — а от него через страдания Христа — мы обретаем священническое измерение нашей человеческой природы. И переживаем его не только пассивно. Мы должны быть активны в молитве и ответственны перед лицом страдающего мира, сражаясь за его духовное исцеление. Наше призвание состоит не в том, чтобы быть простыми созерцателями страдания, но и активными деятелями, сорботниками Бога в деле искупления.

Подготовка материала *Татьяны Горичевой*